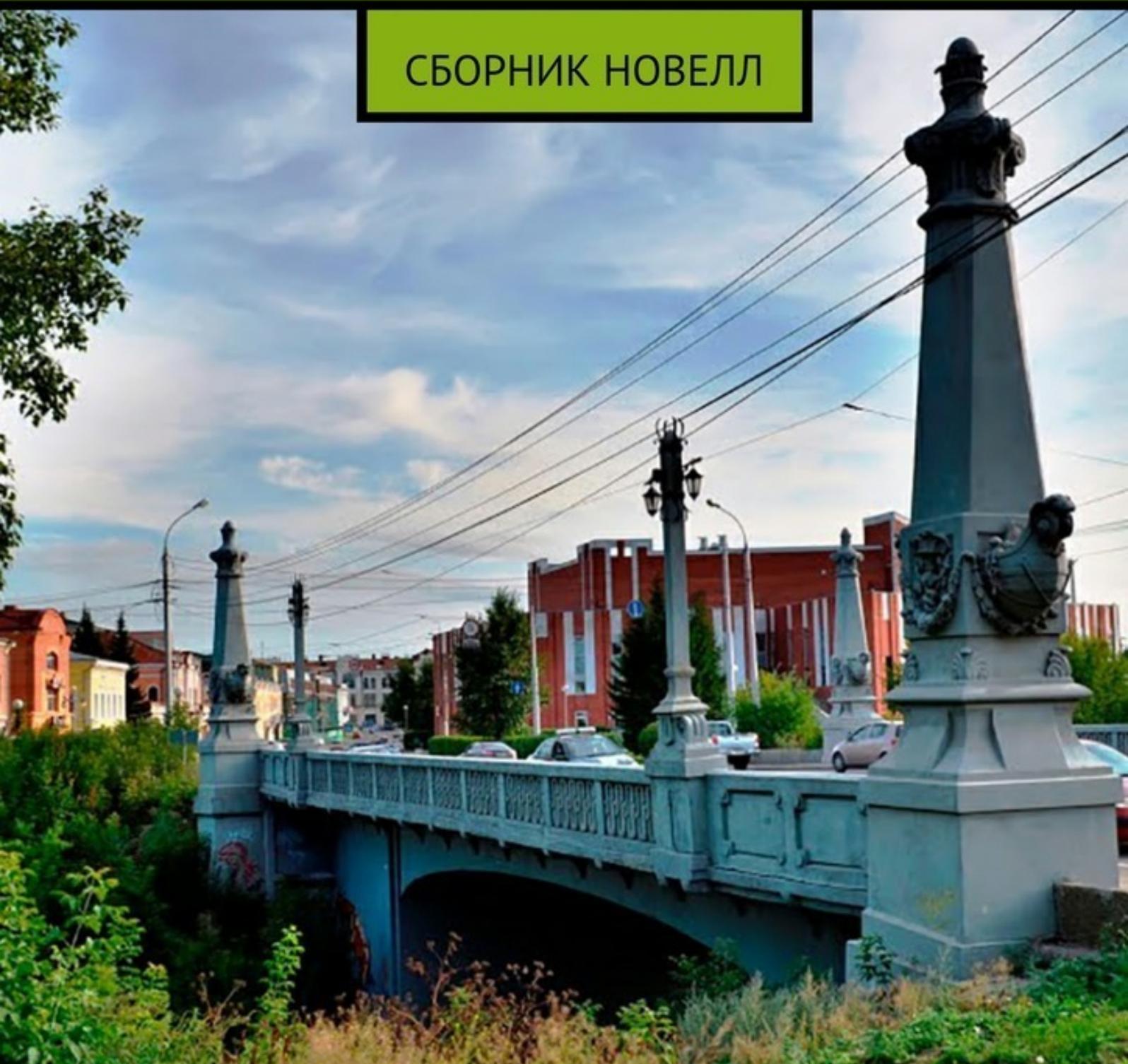

СЕРГЕЙ БАЕВ

Наши в городе

СБОРНИК НОВЕЛЛ

Сергей Баев

Наши в городе. Сборник новелл

«Издательские решения»

Баев С.

Наши в городе. Сборник новелл / С. Баев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854021-9

Жизнь — это не сахар. Особенно современная. Особенно в российской провинции. Тем не менее герои новелл Сергея Баева не отчаиваются, даже когда отчаяние подступает к сердцу! Они ищут свои пути, борются и не сдаются. Пестрая городская палитра, — от элиты до бомжей, от интеллектуалов до маргиналов, — служит ослепительным фоном для захватывающих приключений персонажей.

ISBN 978-5-44-854021-9

© Баев С.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Жёлтые розы	7
Параграф 1. Ботаники	7
Параграф 2. Таня	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наши в городе Сборник новелл

Сергей Баев

© Сергей Баев, 2017

ISBN 978-5-4485-4021-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

*Любое совпадение имён и фактов считать вымыслом автора.
Детям до 14 лет чтение не рекомендуется.*

...Наши в городе... Кто такие наши?

И что, собственно, за город?

По-видимому, это наши доблестные солдаты, освободившие родной город от врагов? Нет...

Быть может, это наши диверсанты, орудующие в чужом городе?

Опять пальцем в небо! «Наши» – это ваши земляки, обитающие в том же городе, что и вы, это – надоевшие соседи по дому, это – верные друзья и знакомые, родственники и приятели, это – бомжи и проститутки, бизнесмены и бандиты.

...Остановитесь на минутку, оглянитесь вокруг, и вы заметите много интересного: возможно, вонючий, грязный, лохматый тип, ковыряющийся в помойке, это бывший доцент Политеха, заваливший вас на экзамене по истории КПСС; не исключено, что пенсионер в помятом старом пальто, истерзанном молью – это ваш бывший сосед-алкаш по лестничной площадке, а вон ковыляет старушка – божий одуванчик: не исключено, что она бывшая учительница по обществоведению, вlepившая вам тройка на госэкзамене в школе за плохое знание «выдающегося» произведения «Целина» Л. И. Брежнева; останавливаем свой взгляд на пересечении проспектов Ленина и Кирова, где опять кучкуются проститутки, вероятно, кто-то из них – ваша бывшая одноклассница. Все эти люди, волею случая или желания попавшие в трудную жизненную ситуацию – ваши земляки, жители города Томска; они карабкаются по жизни, сражаются изо дня в день за выживание, трясутся за своё здоровье и, в конечном итоге, умирают в забвении и одиночестве.

Не судите их строго, и не судимыми будете, ведь на их месте мог бы запросто оказаться любой из нас; всё дело в жизненной коллизии.

Между прочим, безжалостные бандиты, бизнесмены и банкиры – наглые хозяева жизни, продажные менты и разжиревшие слуги народные, тоже – наши, в нашем городе.

...Постойте немного, отвлекитесь от бешеной суеты, от погони за барахлом, от злобы друг на друга и злости на себя, и задумайтесь: почему вы живёте так, как живёте, почему верите каждому слову «царя», почему не верите в завтрашний день?

Немного поразмыслив, вы, надеюсь, поймёте, что так существовать нельзя, надо что-то кардинально менять в этой жизни, а люди вокруг нас окажутся не плохими и не хорошими; они все просто наши...

Жёлтые розы

Реалистическая новелла

«Можно солгать, не только словами, но и букетом».
Михаил Коромайтин

Параграф 1. Ботаники

...Вадик Пузанов – первокурсник Томского Государственного Университета, филфака, среди бывших одноклассников, нынешних однокурсников, прочих знакомых и приятелей слыл неисправимым ботаником. Он никогда не курил сигарет, не пил вина, категорически ненавидел футбол, ни разу в жизни не дрался, зато обожал читать, особенно, лирические стихи, представляя себя героем-любовником, рыцарем на белом коне и мачо в одном лице

Когда Вадик появился на первой лекции, то с изумлением обнаружил, что поступил на девчачий факультет; его окружали одни девушки, добрая половина которых представляла собой вымирающий подвид скромниц и недотрог. Этот факт безумно воодушевил его по двум простым причинам: во-первых, он оказался вне всякой конкуренции, во-вторых, родная душа, такая же, как и он, обитала где-то рядом, в пределах аудитории, в районе видимости собственных диоптрий и шаговой доступности.

К концу октября Вадик, внимательно оглядевшись, сделал, наконец, свой выбор и робко подрулил к подгруппнице Маше. Если он считался обычным ботаником в силу своего темперамента и пуританского воспитания, то просто – Мария оказалась божьим одуванчиком в кубе: она шарахалась от мальчиков, как от чумы, не знала вкуса даже пива, не говоря о более крепких напитках, а при слове презерватив, впадала в обморочное состояние.

...Маша боязливо переминалась с ноги на ногу, не зная что делать и куда бежать, а «наглый» Вадик отупело молчал, не имея ни малейшего представления о том, как надо знакомиться. В этом состоянии они пребывали несколько минут, находясь в полной растерянности, выжидая не понятно чего и затаив дыхание разглядывали собственную обувь.

Наконец, недотрога трепетно и глубоко вздохнула, медленно подняла испуганные глаза и стеснительно вымолвила: «Вадим, вы, вероятно, хотите со мной познакомиться, или у вас какие-то другие намерения?»

– Я, право, не знаю... Мне так неловко. Я до этой минуты ни разу не оказывался так близко к девушке, мне ужасно стыдно, извините.

– Я тоже никогда не знакомилась с парнем, даже, как-то не по себе и боязно.

– Ну тогда давайте попробуем? Я Вадик.

– А я просто Маша...

– Вот и славно, а вы боялись, вернее, это у меня душа в пятки провалилась.

...На этом нужные слова закончились, необходимый оптимизм улетучился и повисла вымученная, театральная пауза. Сокровенная тишина окутала молчаливую парочку, отдаляя их от остального безумного, злого, чудовищного и несправедливого мира. Ситуация замерла в нерешительности и растерянности.

Возбуждающий, манящий запах Машиных волос и дешёвых духов волновал Вадиково воображение и он уже набрался смелости погладить её, а она с восхищением разглядывала его редулькиные усики под носом и совсем не замечала мальчишеские прыщи на пылающих щеках.

Юноша первым вынырнул из состояния конфузного транса и неловко пролепетал: «Маша, я приглашаю вас на свидание».

– Я согласна...

– Ну тогда, давайте встретимся в три часа возле памятника Пушкину, напротив Дома Офицеров.

– Я обязательно приду...

...Не прощаясь, Вадик медленно повернулся и засеменил прочь. На его лице сияла такая гамма чувств, что встречные студенты как-то подозрительно косились.

...Маша, не помня себя, помчалась домой чистить пёрышки, наряжаться, готовиться к своему первому в жизни свиданию.

...Прозорливая и внимательная мама сразу заметила неожиданные перемены в своём мальчишке и сурово поинтересовалась: «Вадим, что случилось, куда ты собираешься?»

– Мама, я иду на свидание!

– Кто она? Надеюсь, из приличной семьи? А может, это какая-нибудь вульгарная девка, решившая соблазнить тебя и забрать честь у моего сына?

– Мама, не говори пошлости. Она скромная девушка из нашей группы.

– Вадим, не лги маме. Я же вижу, как ты неестественно возбуждён. Тебя всего трясёт и лицо у тебя красное, как помидор.

– Я всегда говорю правду! Она на редкость симпатичная и порядочная девушка, подходит мне по характеру, в общем, безумно нравится мне. Она... она, такая... святая...

– А я уверена, что тебе ещё рано волочиться за девушками, а тем более, влюбляться.

– Мама, я уже взрослый...

– Кто взрослый?! Да ты ничего не умеешь, ты стерильный, а эта студенточка тебя запачкает, испортит и заберёт у меня! Ты выскользнешь из дома только через мой холодный труп.

– Мама, если я сейчас не пойду на свидание, то непременно покончу с собой. Ты этого хочешь?

– Нет я этого не хочу. Я с тяжёлым сердцем отпускаю тебя, но чтобы в девять явился домой...

– Хорошо, мама.

...Слава Богу, что Машины родители были на работе и ей не пришлось выслушивать их назидательные нравоучения, особенно, мамин монолог о том, что все мужчины – грязные животные, желающие только одного, о том, что кругом одни мерзавцы и подонки, увлекающие в свои сети скромных, порядочных глупышек, о том, что Жизнь, вообще, не справедлива, коварна и жестока.

Маша надела нарядный белый свитер с джинсами, закуталась в длинный розовый шарф, напялила любимую вязанную шапочку жуткого жёлтого цвета, куртку, сапоги и выпорхнула на осеннюю улицу. Бабье лето неожиданно кончилось, а лютая зима пока что не пришла, застряв где – то по дороге. Город, промытый осенним дождём, затих и только жёлтые листья носились вокруг, в агонии предстоящей кончины. Такая погода Маше нравилась всегда, поскольку подчёркивала её меланхолию и вечную грусть.

...Вадик мчался на трамвае на своё главное в жизни событие и вдруг с ужасом понял, что для такого случая непременно нужны цветы. Из окна он заметил импровизированный цветочный базарчик и пулей выскочил, не доехав две остановки.

...Продавцов, как ни странно, оказалось много. Бабушки предлагали в основном разноцветные астры и гвоздики. Эти цветы представлялись Вадиду довольно банальными, не соответствующими торжественному моменту и он поплёлся по рядам в поисках чего – то оригинального.

Немного в сторонке от цветочниц переминался с ноги на ногу пенсионер бомжеватого вида, с умными глазами и держал в руках букет жёлтых роз. «Вот это то, что надо», – смекнул Вадик и направился к старичку.

– Скажите пожалуйста, сколько стоит ваш букет?

- Пятьсот рублей.
- Наверное, я ослышался. А почему так дёшево?
- Хорошо, специально для вас, молодой человек, эксклюзивное предложение, – тысяча пятьсот.
- Я серьёзно спрашиваю...
- Видите ли, я, в отличие от других продавцов, работаю от оборота, а не от прибыли. Деньги должны крутиться, а не стоять мёртвым капиталом.
- Я понял! Вам бы, дедушка, директором в супермаркете работать.
- А мне и здесь неплохо. Так берёте или нет?
- С удовольствием беру! А скажите, откуда такие редкие розы?
- Из Голландии. Последний букет остался. Так что, молодой человек, вам крупно повезло. И девушке вашей определённо понравится...

Довольный юноша расплатился, схватил букет и помчался к Дому Офицеров. Он опоздал на десять минут, но Маши ещё не было. Вадик торчал под морозящим, гнилым дождём, а мысли вихрем проносились в его голове: «А вдруг, она только что ушла, не дождавшись? А если, она не смогла по каким – то причинам прийти? А может быть, она не успевает?»

...В это время Маша, как шпионка пряталась в магазинчике напротив и через витрину с интересом наблюдала за Вадиком. Из книг и фильмов она знала, что приличные девушки, как правило, задерживаются, а преданные, честные, надёжные парни всегда ждут. Однако, на сколько именно полагалось опаздывать, она не ведала. Часы отсчитывали тягостные минуты, а она всё стояла и глядела на промокшего, измученного Вадика, не решаясь шагнуть на улицу.

...Вадик заботливо спрятал букет под куртку и постоянно пялился на часы: половина четвёртого. Он также понятия не имел сколько в таких случаях необходимо ждать, но твёрдо решил для себя, – стоять хоть до вечера, хоть до девяти...

Около четырёх Маша тяжело вздохнула, поправила вязанную шапочку и, наконец, вынырнула из магазина. Вадик не обратил внимания на безвкусно одетую девушку, покосился налево и принялся дальше стучать зубами от холода.

- Здравствуйте, Вадим. Я кажется немного опоздала?
- О, Маша! Как я рад вас видеть! Вот это вам...
- Какие красивые и печальные, изящные и грустные розы. Спасибо, мне ещё никто не дарил цветов.

– Я безумно рад, что они вам понравились.

...Маша осторожно приняла букет и почувствовала себя жутко не комфортно. Ей казалось, что все вокруг глазят на неё, показывают пальцем и смеются над ней. Ей хотелось срочно провалиться сквозь землю. Состояние неловкости, непонятного стыда угнетало её и она тихо вымолвила: «Эти цветы... Это так неожиданно... Я почему- то стесняюсь этого шикарного букета... Мне и радостно, и тревожно одновременно...»

Вадик не придавал особого значения её словам и робко предложил пойти в кафе; ему не терпелось, хоть немного отогреться, тем более, на цветах он так ловко сэкономил, что мог себе позволить, угостить девушку кофе с пирожными, как никак, в помещении тепло и уютно, можно долго болтать, потягивая напиток, а не мотаться по улицам в холодную пору. Он искренне верил, что поход в кафе при первом свидании, – это вполне пристойно и не придётся целоваться где-нибудь в вонючем, тёмном подъезде.

Маша на минутку задумалась и представила себе, как все в кафе станут пялиться на букет, на них и ехидно перешептываться за спиной; такой вариант представлялся ей невыносимым и она ответила: «Вадим, я тут недалеко живу, мне необходимо сбегать домой, дать бабушке нужные таблетки; заодно, поставлю цветы в воду, чтобы не завяли. Тут за углом находится кафе, ступайте заказывайте кофе, а я через пятнадцать минут буду. Идёт?»

Юноша молча кивнул и направился в сторону заведения. Маша быстрым шагом двинулась к проспекту Кирова...

Параграф 2. Таня

...Первый раз в жизни Маша, совершенно не желая того, обманула человека; никакой больной бабушки у неё не было, она элементарно хотела избавиться от ненавистных, смущающих цветов, но при этом намеревалась не ранить тонкую душу своего воздыхателя

Не осознавая своего внезапного страха, ругая себя за непреднамеренную ложь, она чуть ли не бегом мчалась к своему дому.

Розовый шарф развивался на ветру, как израненное знамя, жёлтая, вязанная шапочка промокла и потеряла свою первоначальную форму, белая куртка, – символ непорочности, – забрызгалась грязью. Маша уже находилась в двух шагах от дома и всё больше ненавидела себя за боязнь окружающих, за детскую трусость, за беспомощность. Несмотря на свои восемнадцать лет, она, без всякого сомнения, застряла в детстве и не имела ни малейшего понятия, как выкарабкаться во взрослую жизнь. Её слишком часто злобно обижали в школе, каждодневно садистски унижали дома, поэтому, она ежеминутно ощущала себя маленькой серой мышкой, от страха забившейся под плинтус.

Единственный человек, поддерживающий её все эти годы, – подруга детства, соседка по дому, непоседа из параллельного класса, Таня. Они были настолько разные, что тянулись друг к другу, как разноимённые полюса магнита. Таня постоянно защищала Машу и во дворе, и в школе, иначе её совсем затюкали бы злые, жестокие дети.

Если кто-то в песочнице нагло отбирал у Маши совок, то тут же ему прилетал удар в лоб этим же совком от Тани, если мальчишки в школе дёргали Машу за косы, то тут же получали в глаз от вездесущей Тани, если в старших классах, особо дерзкие, пацаны обзывали Машу юродивой, то тут же огребали болезненный пинок в пах от Тани.

...Так происходило каждый раз, вплоть до поступления в Университет. По большому счёту, Маша боготворила Таню, но не хотела становиться такой же, а Таня, в свою очередь, снисходительно позволяла Маше восхищаться и превозносить себя.

Таня с каждым годом всё быстрее скатывалась в пропасть вседозволенности, хулиганства и блуда, а Маша, с той же скоростью, летела вниз к самобичеванию, неуверенности в себе, полному одиночеству, депрессии. Наверное, если бы не Таня, то Маша уже давно наложила бы на себя руки.

...Печально всё это, но сколько таких обиженных жизнью, уничтоженных собственными родителями, униженных одноклассниками девчонок балансировали между Жизнью и Смертью. Несмотря ни на что, Маша благополучно дожила до окончания школы и легко поступила в Университет, а Таня, одурманенная травкой и алкоголем, пустилась во все тяжкие.

После школы их жизненные траектории резко разошлись, единственное, что оставалось общим, – это программа на самоуничтожение: у Маши через депрессию, а у Тани – через безобразный образ жизни. Они обе оказались в группе риска.

...Когда Маша прошмыгнула через арку в свой двор, то боковым зрением заметила на лавочке около соседнего подъезда промокшую, полупьяную Таню с сигаретой во рту.

– Здравствуй, Таня. Ты чего такая? Что-то случилось?

– А, Машка, салют, подруга! Вот видишь, я вся в хлам, не представляю, что и делать...

– Может, я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Может и можешь, а лучше не надо... Представляешь, я такая свинья. Короче, отец вчера выдал мне три штуки, ну типа матери хороший букет купить, а я бабки в ночнике с Игорьком спустила, в «Андеграунде». У маман сегодня юбилей, полтинник, а я, коза драная, даже цветы не могу ей подарить. Вот сижу тут и не знаю, как домой показываться, в общем, муторно мне, да ещё и башка трещит, – всю ночь фестивалили.

– Послушай, Таня, денег у меня с собой нет, а вот букет возьми и домой ступай, маму поздравь.

– Подруга, такие розы бешеных бабок стоят, ты чо, серьёзно?

– Таня, я тебя искренне прошу, возьми цветы и поднимайся домой, а то простудишься, заболеешь и умрёшь...

– А я может, хочу сдохнуть...

– Не говори такие ужасные слова, бери букет и ступай...

– Ну, лады! За цветы, конечно, респект...

...Таня отшвырнула промокший окурок в грязную лужу, утёрла красный, сопливый нос, нехотя взяла розы и моментально скрылась в подъезде. Маша поглядела вслед своей непутёвой, бесшабашной, легкомысленной подруге, с облегчением вздохнула и, с чувством выполненного долга, побрела в кафе. Ей нравилось совершать благородные поступки, помогать несчастным людям, делиться всем, забывая в это время о себе...

...Дверь открыла взволнованная Танина мама, сердито зыркнула на непутёвую дочь, но, заметив красивый букет, смягчилась: «Спасибо Танечка, честно говоря, не ожидала. И где мы шлялись?»

– У подруги засиделась. Новый диск «Квест Пистолс» гоняли. Побоялась поздно по городу шарахаться, вот и тормознулась у неё.

– Ответ выглядит вполне правдоподобно. Ладно. Иди на кухню, помоги нам с приготовлением торжественного ужина.

– Ма, я только часок покомарю, а после обязательно помогу.

...В коридор выглянул Танин папа в фартуке, с перепачканными руками и весело произнёс:

– Привет, золотая молодёжь! Как дела?

– Всё тип-топ! Вот носилась по городу, искала маме цветы.

– Молодец, доченька...

...Таня закрылась в ванной, умылась холодной водой, стряхивая с себя следы пребывания в ночном клубе и покосилась на зеркало, не узнавая себя, прошипела: «Какая я всё-таки сука конченая, эгоистка неисправимая. Всё! С понедельника начинаю новую жизнь».

Танино отражение грустно скривило пересохшие губы, нагло ухмыльнулось и дерзко ответило: «Опять ты врешь! Ни одного дня без трёпа не можешь прожить. Иди проспись, пьянь – дрянь».

...Разговор по душам с туалетным зеркалом давно стал привычным делом для Тани, поскольку больше некому излить израненную, заблудшую, несчастную душу.

– Ну как потусовалась, тварь бездушная? Про мамкину днюху чуть не забыла?

– А ты, чо, такая насквозь правильная, чтобы меня жизни учить? Иди ты к едрене фене...

– Я совесть твоя, твоё второе, хорошее «Я». Я добра тебе желаю. Хватит уже порхать стрекозой по жизни. Всё это когда-нибудь плохо кончится...

– Плохо – это как?

– А сама не догадываешься? Доведёт тебя твой Игорёк до холодного мраморного стола и сам рядом ляжет.

– Надоела ты мне. Не учи меня жить.

...Танина мама тихонько шагнула к ванной, прислушалась и громко спросила: «Дочь, с кем это ты беседуешь?»

– Это вода шумит.

– Чего ты так долго?

– Выхожу я уже, пописать, блин спокойно, не дадут...

...Елена Александровна пристроила подаренные розы в вазу и вернулась на кухню: «Серёжа, ты не забыл, что в шесть надо маму встретить. Давай снимай фартук, умывай руки и мигом на вокзал. За рулём осторожно, дорога мокрая».

Сергей Юрьевич послушно кивнул, вытянулся в рост, приложил ладонь к виску и игриво ответил: «Слушаюсь! Можно исполнять, товарищ командир?»

– Как был глупым пацаном, так и остался. Тебе пятьдесят три скоро, а ты, как дурак, вечно блаженный.

– А вы, Елена Александровна, не хамите! Я, между прочим, известный прозаик и член Российского Союза Писателей.

– То, что ты член, – это точно, а романы твои тоскливые, ничтожные, мухосранские, никто не читает, кроме убогих бабушек, разведённых, горемычных женщин и вдовствующих, неадекватных истеричек...

– Лена, я умоляю, не начинай, будь милосердной к моему творчеству...

– У тебя десять минут, чтобы прыгнуть за руль и двинуться на ж.-д. вокзал. Время пошло... Да, кстати, возьми розы, маме подарить, ей приятно будет. Этот шикарный букет немного покатается с тобой, и в итоге в эту же вазу вернётся.

– Всё, я помчался. Танюшку не буди, пусть ребёнок поспит; сегодня допоздна шумно будет.

– Ты знаешь, Серёжа, почему я с тобой столько лет живу?

– Нет!

– Умеешь ты острые углы сглаживать и каждодневный бытовой негатив не замечать...

– Спасибо, Леночка, на добром слове, я тебя обожаю.

...Сергей Юрьевич осторожно пилил по мокрому, осеннему Томску и вспоминал, как они тридцать лет назад поженились, как прозябали практически в нищете, как Танечка родилась, – такой маленький, розовый поросёночек, как он вдруг романы начал писать, исключительно дамские, как его под псевдонимом «Елена Штайнер» номинировали на премию «Писатель года». Всё это произошло как-будто вчера, и вот уже его прекрасной Елене исполняется пятьдесят.

...Летит время со скоростью курьерского поезда, а за окном мелькают бесцельно прожитые годы, забытые лица, сотни знакомых и десятки фальшивых друзей.

До прихода курьерского Москва – Томск оставалось пятнадцать минут. Сергей Юрьевич зарулил на привокзальную площадь, нашёл парковку, поставил машину на сигнализацию и поплёлся на перрон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.